

М. П. СОТНИКОВА (*Санкт-Петербург*)

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ЭРМИТАЖНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ СЕРЕБРЯНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СЛИТКОВ XI—XV вв.

Когда на рубеже 50—60-х гг. прошлого века В. Н. Рябцевич был аспирантом Государственного Эрмитажа, его научный руководитель И. Г. Спасский обстоятельно познакомил ученика с нумизматическим собранием музея в целом и с русской его частью — в особенности¹. Поэтому для иллюстраций как к обеим своим диссертациям, так и к научным статьям и книгам Валентин Наумович нередко использовал данные нумизматических материалов, хранящихся в Эрмитаже (в том числе и снимки средневековых платежных слитков, часть которых найдена в Беларуси).

Научная значимость эрмитажной коллекции слиткового серебра, участвовавшего в денежном обращении Древней Руси XI—XV вв., определяется, прежде всего, тем, что она является собранием кладов. Большинство их поступило в Эрмитаж в течение второй половины XIX — начала XX в. из Археологической комиссии Императорской академии наук. Коллекция состоит из 61 клада и насчитывает около 750 слитков, из которых 150 экз. неустановленного, к сожалению, происхождения².

В 1920-е гг. этот огромный фонд был разобран и систематизирован хранителем отделения западно-европейских монет Эрмитажа Н. П. Бауером (1888—1942), репрессированным и расстрелянным в 1942 г. (реабилитирован в 1956 г.)³.

Бауер разделил всю массу слитков на несколько типов в зависимости от формы, веса и регионов наиболее частых их находок. При этом он сумел уточнить и пополнить состав нескольких кладов, выявив среди эрмитажных слитков неустановленного происхождения экземпляры, бесспорно относящиеся к этимкладам не только по форме, но и по остаткам одинакового цвета земли или следов огня на их поверхности; по исполненным кем-то на них тушью уже в XIX—XX вв. пометкам и, наконец, по одинаковым показателям удельного веса.

Результаты этой работы отражены в рукописном каталоге коллекции слитков, исполненном Бауером. Его содержание, строго говоря, опубликовано в монографии ученого, изданной в двух выпусках венского журнала

«Numismatische Zeitschrift»⁴ (правда, довольно необычным образом, так как слитки одного и того же клада разнесены в разные главы соответственно их принадлежности разным типам, отчего сами клады оказались пронумерованы столько раз, сколько типов слитков в их составе).

Как выяснилось совсем недавно, в ожидании расстрела Бауер более, чем спасением собственной жизни, был озабочен будущей судьбой своих неопубликованных трудов: ведь чрезвычайно необходимые и ценные для дальнейшего изучения и пополнения нумизматических коллекций Эрмитажа, они были бы невозможны в случае гибели⁵.

Во второй половине XX в. коллекция слитков пополнялась очень медленно и главным образом единичными экземплярами, из которых самым важным оказался слиток киевского типа, найденный в 1960 г. при археологических раскопках городища древнерусского города Изяславль у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области Украины (поступил в Эрмитаж из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР).

Размер изяславльского слитка 65×18 —26 мм, вес — около 171 г. Он киевской формы, но новгородского веса. Его находка в руинах волынского городка, существовавшего с конца XII в. до середины XIII в., хорошо подтверждает имеющиеся в науке представления о датировке и распространности слитков данного типа и может быть использована для проверки датировки самого Изяславля-городища⁶.

В 1981 г. в дар от Б. П. Гуриновича получен слиток литовского типа, найденный в Вильнюсе в 1931 г. Петербуржец Ю. Ю. Петров подарил музею в 2000 г. ювелирный, очевидно, слиток XVIII—XIX вв., тогда же найденный им в отвале траншеи на одной из улиц в старой части города. Слиток прямоугольной формы, с покатою «спинкой» и трехгранно обрубленными концами. Его размер 78×23 мм, вес — 134,54 г. (прил., табл. I/2 [вид сбоку и сверху]).

Через Закупочную комиссию Эрмитажа в 1984 г. был приобретен слиток киевского типа, а в 1990, 1996 и 1997 гг. — слитки новгородского типа, из которых один — с нарезками, а другой — с граффити.

В конце 1980-х гг. некие С. Высоцкий и В. Колесинский, приехавшие из Минска, предложили Эрмитажу приобрести клад слитков, найденный каким-то стариком на собственном огороде в глухой деревне среди пинских болот в Беларуси. Когда этот «клад» был показан сотрудникам эрмитажного Отдела нумизматики, в нем оказалось два десятка слитков всех известных по литературе типов: слитки — длинные палочки XI в.; слитки киевского типа XII—XIII вв.; так называемые черниговские; новгородские XII—XV вв. всех видов, включая слитки двойного литья и клейменные полтины; слитки литовские (западнорусские) XIII в.; татарские саумы XIII—XIV вв. Таким образом, в одном комплексе «встретились», якобы, слитки, обращавшиеся на разных территориях и в разное время и никогда ранее не фиксировавшиеся вместе ни в одном из известных кладов. Были на

них и нарезки, и надписи-граффити — не только русские, но и арабские... С первого взгляда стало очевидным, что «Пинский клад» — неуклюжая фальсификация подлинных вещей. Общие и объединяющие их признаки выразились в одинаково сияющей, без малейших следов патины, поверхности и единообразии техники отливки. По заключению Отдела научно-технической экспертизы Эрмитажа, все они изготовлены из высочайшей (999-й) пробы современного технического серебра, употребляемого при производстве «рубашек» для турбинных «лопаток».

Клад настоящих древних слитков, найденный «недавно где-то в окрестностях Казани», поступил в Отдел нумизматики Эрмитажа в 2000 г. Через Закупочную комиссию музея он был приобретен у петербуржца Н. С. Шашкова, купившего его несколько ранее на коллекционерском рынке Казани.

Это клад так называемого рубленого серебра. Большинство его слитков — шероховатые лепешки (иногда свернутые в трубку) или их фрагменты (половинки, сегменты различной величины и мелкие обломки). Имеются также обрубки и обрезки прямоугольной, треугольной, ромбической, трапециевидной и другой «рваной» формы, всегда случайной. Иногда они тоже согнуты. Всего в кладе 66 таких слитков и их фрагментов. Размеры их от 100 × 51 и 70 × 60 мм до 8,5 мм. Вес от 250,95 до 2,26 г. Общий вес — 2548,42 г.

Казанское происхождение не противоречит топографии находок подобных кладов рубленого серебра неопределенной формы и веса. Бауеру было известно 12 таких кладов. Все они происходят из Казанской, Пермской и Вятской губерний, т. е. из области Камы и Средней Волги⁷, вообще феноменально богатой кладами серебра X—XV вв. По данным А. А. Ильина, из 227 кладов с серебряными и золотыми слитками, зарегистрированных в 45 губерниях и областях России, на долю Вятской, Пермской и Казанской губерний приходится 42 клада, что сравнимо только с полусотней кладов Киевщины⁸.

Общий вес слитков в каждом из этих кладов держится в пределах от 1 до 22 кг, а общий вес серебра в 12 кладах составляет более 53 кг.⁹ Столь внушительное количество драгоценного металла всего в дюжине кладов напомнило Бауеру о так называемом «закамском серебре» древнерусских письменных источников, чем в течение долгого времени как бы подразумевалось наличие в средневековой Руси серебряных рудников¹⁰. Однако известно, что собственная добыча серебра началась в России только при Петре I. В древней Руси XIII—XV вв. термин «закамское серебро» не мог иметь «производственного» смысла и употреблялся в сфере так сказать налогово-фискальной. Летописи называют закамским серебром дань, собиравшуюся Великим Новгородом с населения Прикамья¹¹.

В трех кладах закамского серебра, хранящихся в Эрмитаже, насчитывается всего 63 слитка¹². Так что появление пятого, да еще такого большого, является существенным и очень важным пополнением нумизматического

собрания Эрмитажа. Тем более, что в составе его оказались также бронзовая литейная форма, бронзовый сосуд в форме низкого цилиндра и три медных весовых гири.

Сравнением с данными Бауера¹³ устанавливается, что и новый эрми-тажный клад хорошо укладывается в весовую норму «среднего» клада закамского серебра.

Однако чрезвычайно грубый внешний вид слитков рубленого серебра, их бессистемный вес и содержание серебра с колебанием от 33 до 89 %¹⁴ присущи, пожалуй, именно первичной форме слитков на стадии первоначального получения выплавленного серебра. Так что обнаружение древних серебряных рудников где-то в Закамье все еще остается довольно заманчивым, а осторожное предложение Бауера о возможности применить понятие «закамское серебро» к рубленным слиткам — лепешкам Камско-Вятских кладов представляется вполне удачным и убедительным.

Поскольку только в одном из кладов встретились арабские дирхамы X в.¹⁵, а в двух других было по длинному слитку-палочке XI в.¹⁶, Бауер датирует закамское серебро XI—XII вв.¹⁷.

Н. П. Бауер отмечает удивительное внешнее сходство (в сущности — неотличимость) закамского серебра с германскими слитками-лепешками (Gußkuchen) XII—XV вв., известными по 25 находкам¹⁸. Их форма, размер и вес также случайны. И только на поздних (XIV—XV вв.) иногда появляются различные клейма, чаще всего в виде розеток. Основываясь на идентичности слитков, находимых в противоположных и столь далеких друг от друга регионах Европы, Бауер делает вывод о международном характере обращения этих слитков до XII в.¹⁹ и предполагает, что немецкое рубленое серебро могло идти на восточную оконечность Европы известной средневековой дорогой из Регенсбурга через Краков на Киев²⁰ (правда, добавив, что при современном состоянии вопроса на основе одной только идентичности восточного рубленого серебра и немецкого невозможно построить мост от закамских слитков к немецким)²¹.

В Киеве путь германских серебряных «блинов», по-видимому, все-таки и кончался, и здесь они переливались в слитки шестиугольной ромбической формы с весовой нормой 163—164 г. Во всяком случае на всей территории домонгольской Руси находки Gußkuchen не известны. Этот огромный по площади «провал» (до самой Волги!) можно объяснить только естественным поглощением немецкого серебра самой Древней Русью, не имевшей собственной добычи серебра до конца XVII в. Если так, ближе к истине оказывается другое допущение Бауера — его мнение о возможности проникновения серебра в область Камско-Волжского междуречья из Китая [Бауер, Vd. I, S. 100/24], поскольку уже в середине XIII в. китайские слитки успели найти путь в Россию²².

Бауер заметил, что область находок закамского серебра совпадает с границами древнего Булгарского царства²³. В настоящее время считается, что это серебро и попало-то в Прикамье в период расцвета Волжской Болгарии (в X—XII вв.) по одному из ответвлений Великого шелкового пути²⁴.

Что касается ошеломляющего сходства серебряных слитков-лепешек в немецких и закамских кладах, то оно, вероятно, объясняется идентичностью технологических приемов первоначальной выплавки серебра во времена европейского средневековья и на западе Европы, и на ее востоке, и даже в Азии. Всюду единообразный внешний вид лепешек зависел от каких-то единых свойств серебра как металла и определялся его поведением в процессе плавки и в момент остывания.

В перечне находок закамского серебра Бауер отмечает 7 случаев присутствия в кладе украшений и не сомневается в использовании слитков как сырья и для изготовления ювелирных изделий и бытовой утвари²⁵. Новый эрмитажный клад подтверждает это наблюдение наличием в нем литейной формы. Она — бронзовая разъемная и состоит из двух половинок. Предназначена для отливки блюшек диаметром 8 мм или, возможно, украшения в виде «веточки с листьями» (прил., табл. I/3). К ювелирному производству мог иметь отношение и упомянутый бронзовый цилиндрический сосуд в виде плоской чаши, небольшой сковороды или керамического поддона для цветочного горшка. Его диаметр 110 мм, высота борта, скрепленного «в нахлест», 45 мм. Под его загнутым наружу верхним краем помещена горизонтальная пластина — ободок, состоящий из двух фрагментов шириной от 5 мм на концах до 14—16 мм около середины, где выломан его кусок в 12—13 мм (прил., табл. I/4 [фрагмент борта]). Возможно, этим ободком была прикреплена ручка ковша. На правой половине ободка сохранилась 5-лепестковая розетка, а на левой — окислившийся и проржавевший остаток, вероятно такой же розетки. Розетки были внешним украшением четырех плоских заклепок, находящихся с внутренней стороны. Поверхность сосуда покрыта черно-зеленой патиной с серыми пятнами окислов и ржавчиной. Его дно — в трещинах и с большой дырой в центре (прил., табл. I/5 [вид снаружи; 1:8]).

Самая тяжелая из гирек (№ 46817) имеет вес 46,54 г, который практически в полтора раза больше веса сферической (бочонковидной) гирьки весом 32,75 г, наиболее распространенной в русских древностях X—XI вв.²⁶ У нашей гирьки форма кубическая, с трапециевидными скосами к верхней и нижней граням и размером стороны боковых квадратов в 17 мм, а верхнего и нижнего — в 11—12 мм. На каждой боковой грани куба — горизонтальное украшение из трех 5-лепестковых розеток. На верхней и нижней площадках — одна такая же розетка в центре, точка — в каждом углу и точечный ободок — по периметру (прил., табл. I/6; 1:1,5]).

Вторая гирька (№ 46878) — круглая, диаметром 13—14 мм и весом 8,24 г, т. е. соответствует весу двух русских золотников по 4,09 г²⁷. Она име-

ет форму плоского бочонка, более широкого в «поясе» (который выглядит, как ободок). На обеих плоскостях по кружочку в центре. Там же — несколько пересекающихся прямых царапин, складывающихся, возможно, в буквообразные знаки: М и И (прил., табл. I/7).

Третья гирька (№ 46819) — квадратная. Размер стороны квадрата — 11 мм, толщина — до 2 мм (прил., табл. I/8). Ее вес — 5,54 г — идеально соответствует весу двух кун-дирхамов по 2,73 г в древнейшей русской денежно-весовой системе X в.²⁸. На одной плоскости в центре углубленная точка, на противоположной — три таких же.

Присутствие гирек в данном кладовом комплексе вместе с литейной формой и сосудом, изношенным, возможно, во многих плавках, допускает предположение о принадлежности клада древнему казанскому ювелиру, для которого спрятанные им вместе с орудиями его труда более 2,5 кг серебра были его профессионально-производственным сырьем. Также каким-то мастерам могли принадлежать и клады закамского серебра, содержащие украшения.

У слитков закамского серебра нет обязательной и единой общей формы и определенной весовой нормы (прил., табл. I/9 [250, 95 г; № 46791]; 10 [109, 72 г; № 46749]; 11 [8,36 г; № 46806]). Представляя собой лепешки случайных формы и веса или их различные обрезки и обломки, закамское серебро имеет вид производственных заготовок, отходов, остатков сырья. Эти серебряные «блины» и их фрагменты не могли быть фракциями каких-то более крупных номиналов, т. е. не составляли определенной и стройной денежно-весовой системы. Сырьевой характер этих слитков подтверждается столь же случайным бессистемным содержанием серебра в слитках различных находок, в том числе и в новом эрмитажном кладе. В музейном Отделе научно-технической экспертизы исследовано пока только 8 из 66 слитков клада. Содержание серебра колеблется в них от 97 до 70 %, что не противоречит данным Бауера. В качестве примесей серебряные слитки содержат медь (1—12 %), золото (0,1—0,4 %), свинец (1—14 %). Один из фрагментов оказался бронзовым (№ 46770, 23 × 18 мм, 8,21 г; медь 70—75 %, свинец 1—5 %; цинк 1—3 %, олово 20—25 %), чем также подтверждается сырьевой характер металла в кладе. Но сама возможность создавать из серебра предметы прикладного искусства или изысканную утварь и, главное, чеканить монеты превращала закамское серебро в «товар товаров», конвертируемый в любой другой товар. Присутствие в эрмитажном кладе закамского серебра гирек, изготовленных в нормах древнерусской денежно-весовой системы X в., указывает на прочные торговые связи Волжско-Камского региона с Русью еще в период расцвета Волжской Болгарии в X—XII вв.

---

¹ *Рябцевич В. Н.* Учителю // Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского (1904—1990). СПб., 2004. С. 43—44.

² *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI—XX веков. Материалы и исследования. Л. 1979. С. 48, 49, 53—64.

³ *Гайдужов П. Г.* Николай Павлович Бауер (к 60-летию со дня смерти) // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI. М., 2003. С. 378—400.

⁴ *Bauer N.* Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // NZ, Bd. 62, 1929; Bd. 64, 1931.

⁵ *Гайдужов П. Г.*, 2003. С. 387, 388.

⁶ *Сотникова М. П.* Серебряный слиток с Изяславля-городища // Культура средневековой Руси / Институт археологии АН СССР: Сб. ст. к 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 64—66.

⁷ *Bauer N.*, 1929. S. 92/16—96/20.

⁸ *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921. С. 2, 5.

⁹ *Bauer N.*, Bd. I, S. 95/19, Tab. 3.

¹⁰ *Bauer N.*, 1929. S. 98/22, прим. 1.

¹¹ Московский летописный свод конца XV века / Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 25. М., 1949. С. 170; Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века / ПСРЛ, Т. 27. М., 1962. С. 63; Первая Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 99, 344; *Хан Н. А.* К вопросу о «Закамском серебре» // Исторические истоки, опыт и взаимодействия и толерантность народов Приуралья: Материалы междунар. науч. конф. к 30-летию Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2002. С. 283—287.

¹² *Bauer N.*, 1929. S. 95/19, Tab. 1, 3, 4, 5.

¹³ *Ibid.* S. 95/19, Tab. 3.

¹⁴ *Ibid.* № 6, 27, 32, 34, 33, 37.

¹⁵ *Ibid.* № 26.

¹⁶ *Ibid.* № 27, 28.

¹⁷ *Ibid.* S. 95/21

¹⁸ *Ibid.* S. 97/21 — 100/24.

¹⁹ *Ibid.* S. 101/25.

²⁰ *Ibid.* S. 98/22.

²¹ *Ibid.* S. 96/80.

²² *Bauer N.* Lingots d'argent a inscriptions chinoises // Revue des arts asiatiques. II-me annee. Paris, 1925. № 4. P. 10—13.

²³ *Bauer N.*, 1929. S. 97/21; 1931, S. 96/80.

²⁴ *Колызин А. М.* Торговля Древней Москвы (XII — середина XV в.) М., 2001. С. 28—29.

²⁵ *Bauer N.*, 1931. S. 96/80.

²⁶ *Янин В. Л.* Древнерусские гривны-экзагии // Хранитель Эрмитажа: Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского (1904—1990). СПб., 2004. С. 101, 102.

²⁷ Там же. С. 102.

²⁸ Там же. С. 101.